

«Я бы хотела жить в старом городе...»

Петровский К.

Кто из истинных таганрожцев, знающих историю своего города, не помнит фамилию Лакиер? На побережье Золотой косы и на землях Успенки славился их род своими трудолюбием и добротой. Выходцы из крестьян, они, пройдя всю сословную лестницу, стали дворянами. Быстрому расцвету рода помогли брачные союзы с представителями семей Варваца, Иордановых. Много добрых дел, послуживших расцвету нашего города, на счету Лакиеров.

Хаос революции 1917 года не минул и последнего из династии Лакиеров—Николая Марковича, жившего в родовом имении Золотая коса. Сейчас это земли учхоза.

Нашлась-таки добрая душа, постучала ночью в дверь и предупредила: «Утром придут тебя забирать...».

Ничего с собой не захватив, ушел из родного гнезда в неизвестное. Чуть позже покинула поместье и мать с дочерьми, взяв в дорогу лишь немного продуктов. Остальное, все, что было нажито не одним поколением Лакиеров, пришлось оставить.

Вот как описывает свою биографию сам Николай Маркович:

«Родился 18 ноября 1896 года в городе Таганроге в семье почтенного мирового судьи Марка Александровича Лакиер. Мать - Варвара Николаевна Хвостова. Учился в классической гимназии в Таганроге, в Московском университете на юридическом факультете, который закончил в 1917 году. После первой, февральской революции работал председателем продовольственного комитета в Таганрогском округе. Был секретарем в сенате на юге России во время гражданской войны. В марте 1920 года в единоличном порядке, до окончания гражданской войны выехал через Константинополь в Югославию. Жил в Белграде и работал бухгалтером на фабрике «Индустрия моторов Раковица». После освобождения Белграда от немецкой оккупации за исполнение пятилетнего плана меня дважды наградили Почвальным листом.

Женился в 1935 году на Поздеевой Вере Степановне. Дочь Наталья родилась 18 сентября 1936 года.

В 1951 году в силу осложнившихся отношений между Югославией и СССР вынужден был покинуть Югославию и переехать в Буэнос-Айрес (Аргентина). В Буэнос-Айресе все время работал бухгалтером на частных предприятиях. Вышел на пенсию в июле 1973 года. Вся наша семья стремилась вернуться на Родину и последние годы пребывания за

рубежом старалась приносить посильную пользу делу распространения советской культуры.

Жена приезжала в Москву в 1968 году и получила разрешение на возвращение на Родину и приобретение кооперативной квартиры. Возвратившись из Москвы, жена тяжело заболела и скончалась в 1969 году. Дочь Наталья не решилась ехать одна, без матери, и пришлось отказаться от квартиры. Я приезжал в Москву в 1964-м и 1973 гг.».

Николай Маркович Лакиер умер 23 сентября 1980 года, так и не успев побывать в своем родном Таганроге. Но любовь к родным местам он пронес через всю свою жизнь и передал дочери Наталье Николаевне Лакиер-Зобеника и внуку Георгию Николаевичу Зобеника. Георгий Николаевич, кстати, работает сейчас секретарем в посольстве Аргентины в Москве.

Может, эта любовь и желание увидеть места, откуда начинался их род, и привели их в Таганрог.

Это сентябрьское утро было немного пасмурным. Накануне, где-то под Таганрогом прошел дождь, и легкий осенний еще не туман, а так, туманец бродил меж домов в старых кварталах центра.

Мы сидим в номере гостиницы «Центральная», утопая в мягких креслах. Напротив меня—Наталья Николаевна Лакиер-Зобеника, слева—молодая жена Георгия Николаевича Адриана Манос (по происхождению гречанка). Георгий (по-югославски Хорхе Николас Зобеника), внук Николая Марковича, немного волнуясь, ходит по комнате, время от времени прислушиваясь, не раздастся ли шорох за чуть приоткрытой дверью помещения, где еще спит их малыш.

—Ему еще только пять месяцев,— поясняет Наталья Николаевна. - Может, равнато ему было в такую дальнюю поездку...

Она по образованию юрист. И несмотря на то, что родилась и всю жизнь прожила за границей, говорит на чистейшем русском языке. Мне кажется, только там, вдали от Родины, и сохранился еще язык чеховских и тургеневских героев. Сейчас говорят проще и как-то без любви к слову.

Вопросы, вопросы...

—Я думал, что вы будете отвечать на мои вопросы,— взмолился, когда понял, что удовлетворить их любопытство не в силах. Но сколько благодарных слов я услышал в адрес горожан за то, что многие помнят их фамилию, что в музеях сохранены документы, свидетельствующие о добрых делах их предков. Наталья Николаевна переводит невестке наш разговор на испанский. Георгий Николаевич подключается тоже. Адриана внимательно слушает. Думаю, что в скором времени и она будет знать русский—куда денешься от семейной традиции.

В этот момент сквозь тучи прорвалось солнце. Милые, жизнерадостные люди, они так обрадовались его теплу. И тут же последовал перевод Натальи Николаевны:

—Я сказала Адриане, что погода здесь сейчас точно такая, как в Аргентине,— и обе улыбнулись.

—Расскажите, Наталья Николаевна, как вам удалось так чисто научиться говорить по-русски? Ведь вы родились в Югославии, жили в Аргентине. Неужели там есть русские школы?

—Это все от папы. С детства мы читали русских классиков, воспитывались на них. Папа увлек нас с сыном рассказами о Родине, о Таганроге. Мы поражены схожестью его описаний города с тем, что мы увидели. Город нас взволновал. Великая благодарность таганрожцам, сумевшим сохранить памятники русского зодчества.

Наталья Николаевна откинулась на спинку кресла и сказала твердо, как о чем-то давно решенном:

—Я бы очень хотела жить в районе старого города. Ведь тут, как говорится, наш корень. Правильно я называю «корень»? Это, кажется, по-старинному. Конечно, о всяком хозяйстве своем я и думать не хочу, ибо ни к чему не приспособлена. А вот на пенсию я смогу тут прожить? — и она назвала сумму в долларах.—Люди мне здесь понравились, да и город спокойный, настраивает на воспоминания. Вы не знаете, кто-нибудь вернулся сюда из эмиграции?

—Пока только туда бегут, а чтобы оттуда, не помню.

Георгий с Адрианой засобирались в кассы Аэрофлота. А мы с Натальей Николаевной и внуком остались беседовать.

Солнце все ярче освещало номер гостиницы. Время подходило к одиннадцати.

—Георгий Николаевич показывал мне фото, где он рядом с мельницей, нашей старой, что сохранилась еще на Золотой косе. Это было в июне этого года.

—К сожалению, я недавно прочитал в газете, что мельница обрушилась в море...

—Как же это могло случиться? — мне показалось, что Наталья Николаевна вздрогнула. — Я так хотела посмотреть на нее и те места, где находилось папино имение, — с грустью произнесла она.

И я вдруг вспомнил, где я видел такую затаенную грусть в глазах при каждом упоминании о России.

...Китай, 1951—1954 годы. Во время моей службы в армии мы иногда встречались с такими же парнями и девчонками, родившимися в эмиграции и знающими Россию только по рассказам родителей, в свое время покинувших Родину по разным причинам. Как жадно слушали они наши рассказы, как хотелось им приехать в Россию, где все ново, не так, как здесь, в чужой, в сущности, для них стране.

Нашу беседу прервал Георгий Николаевич, только что вернувшийся и сообщивший, что мэр города пригласил его на встречу.

Мы тепло распрощались. Георгий Николаевич проводил меня до выхода. Больше я их не видел. Знаю, что они уехали в Москву, оттуда, видимо, поедут в Аргентину. Но я до сих пор помню слова Натальи Николаевны: «Я бы очень хотела жить в районе старого города...». Еще одна мечта. И дай Бог, чтобы она сбылась.